

Глава 4. Ты такой лапочка

—

— На какие уроки ты собрался? Ты же там ни черта не смыслишь, слушаешь как небесную грамоту.

— Это бесполезно. Наши учителя рано или поздно поймут, какой у тебя уровень. Бесполезно, говорю тебе, кончай выпендриваться.

— Черт возьми, у тебя жар спал? Спал, раз на уроки попёрся?!

Лоу Чэн любил крепкое словцо — общая болезнь старшеклассников его возраста. Впрочем, его ругательства в худшем случае ограничивались подобным уровнем.

Дин Сюэжунь никогда не сквернословил. Его отец, Дин Чжаовэнь, был учителем китайского языка в старшей школе и с детства воспитывал сына в строгости.

Юноша глубоко, всем сердцем ненавидел так называемых «школьных хулиганов» лишь за то, что такие люди помыкали слабыми и были совершенно неразумны. В его прежней школе был специальный класс, где учились дети с определенными особенностями — будь то интеллектуальные отклонения или физические дефекты... Над ними постоянно насмехались и издевались.

И зачинщиком всего этого был один из учеников его отца.

По ряду причин Дин Сюэжунь сам столкнулся с подобным насилием. Но он не был из тех, кто безропотно сносит обиды. Он нанес ответный удар, заставив противника навсегда запомнить, что с ним лучше не связываться, и, воспользовавшись случаем, перевелся в другую школу.

Конечно, он не мог с уверенностью сказать, относится ли Лоу Чэн к такой категории людей. Просто опыт школьной травли породил в нем глубокое предубеждение против парней типажа «школьный задира», из-за чего он не мог относиться к соседу непредвзято.

Дослушав голосовое сообщение, он не ответил, но прослушал его еще раз.

Голос Лоу Чэна был очень магнетическим — от природы низкий баритон, невероятно сексуальный.

Из-за молчания его Лоу Чэн решил, что задел самолюбие Дин Сюэжуна. Хотя сам он чувствовал себя ни в чем не виноватым — ведь он не сказал ничего ложного. Тот ведь и впрямь плохой ученик... почему же он вел себя так высокомерно?

Через пару минут Лоу Чэн прислал текстовое сообщение: «Сяо Дин, в учебе не стоит себя принуждать. Кто-то не силен в науках, зато хорош в чем-то другом. Кто знает, может, ты именно такой талант?»

Следом прилетело еще одно: «Если Лао Доу снова спросит обо мне, скажи, что у меня старая травма ноги обострилась, поехал лечиться».

Дин Сюэжунь не знал, что именно тот навоображал, но невольно приподнял уголки губ. В итоге он ответил лишь лаконичное «Угу».

Он послушно принял лекарство, пропотел за ночь, и на следующий день жар действительно

спал. Однако симптомы простуды еще не прошли, поэтому весь день он не расставался с бумажными платками и горячей водой.

К новой школе он адаптировался быстро, но заводить друзей сразу после перевода было делом непростым. Впрочем, он не торопился — ему было комфортнее одному.

В школе ученикам запрещали пользоваться мобильными телефонами, но Дин Сюэжунь на это плевал. На самоподготовке он надевал один Bluetooth-наушник, наполовину прикрывая его волосами, а когда заканчивал с заданиями, клал телефон на стол и занимался своими делами.

Поскольку четвертый класс был профильным, конкуренция среди учеников была высокой, все были сознательными, так что учителя практически не следили за ними строго, предоставляя самим себе.

Даже если Дин Сюэжунь открыто клал телефон на стол, на него никто не обращал внимания. Но он доставал его не ради игр — в его телефоне было огромное количество приложений для решения задач. В свободное время он либо решал тесты, либо вел стримы.

Пока Дин Сюэжунь увлеченно щелкал тесты в приложении Yuanfudao, в верхней части экрана всплыло уведомление.

«Бог X не планирует стримить в ближайшее время?»

Это был запрос от бренда оригинальной канцелярии. Больше года назад Дин Сюэжунь начал стримить то, как он решает задачи, делает уроки или эффективно повторяет ключевые темы. Сначала его трансляции никого не интересовали, но постепенно он становился всё популярнее. Миллионы просмотров превратили его в «маленькую интернет-знаменитость» с необычным стилем: в кадре были только его руки и голос.

Будучи стримером, несущим «позитивную энергию», он стал уникальным явлением на платформе, и его часто выносили на главную страницу.

Благодаря этому на него вышли многие бренды, прося прорекламирровать их товары и присылая горы учебных принадлежностей на пробу.

Раньше Дин Сюэжунь стримил почти каждый день по часу и более, но в последнее время от него не было новостей уже почти полмесяца.

Поэтому люди и начали интересоваться, что случилось.

Дин Сюэжунь опустил взгляд на свою тыльную сторону ладони, покрытую ссадинами.

Он не собирался лезть в драку, так как не обладал вспыльчивым характером. Но когда кулак летит прямо в лицо, невозможно оставаться безучастным. И он ответил. Когда их наконец разнял школьный охранник, кулаки Дин Сюэжуна были багровыми, густая кровь тяжело капала с плотно сжатых костяшек на землю. Очки были разбиты, но взгляд оставался спокойным — спокойным до жути.

Охранник собирался было прикрикнуть на него, но внезапно увидел пятно крови на его школьной форме, заметил, как из-под пальцев, которыми он зажимал живот, непрерывно сочится кровь, и испугался.

Всё, в этот раз дело пахло керосином.

Больше всего охранника пробрало до мурашек то, что этот лучший ученик параллели вынул из кармана пластиковый пакет, наклонился, поднял с земли окровавленный складной нож, убрал его в карман и произнес:

— Вызывайте полицию и скорую.

Лежащий на земле рослый парень с ужасом уставился на сына учителя словесности — того самого «ботаника», который обычно казался робким и беззащитным, но сейчас вызывал в нем животный страх.

Голос парня дрожал:

— Ты, по фамилии Дин... ты специально! Ты подставил меня!

Дин Сюэжунь стоял в луже крови, совершенно хладнокровно зажимая рану. Он посмотрел на парня сверху вниз, и в его ровном голосе промелькнула тень нежности:

— Тебе сегодня исполнилось восемнадцать. С днем рождения. Знаешь, на сколько лет сажают за умышленное причинение вреда здоровью?

Рана на животе оказалась неглубокой и не задела жизненно важные органы.

Так что к тому времени, как живот зажил, на лице и руках всё еще оставались сине-фиолетовые следы.

Дин Сюэжунь зашел в чат и кратко разъяснил ситуацию: «Порезал правую руку стеклом, есть раны. Врач сказал, нужно время на восстановление».

Собеседник выразил понимание, пожелал здоровья и заодно спросил, как ему канцелярия их бренда.

Когда закончился третий урок во второй половине дня, Дин Сюэжуню нужно было идти в больницу на укол. Лоу Чэн как раз тоже уходил. Они один за другим вышли за ворота школы. Лоу Чэн, глядя, как тот в открытую прогуливает, подумал: «С виду этот новенький такой хилый, а смелости — хоть отбавляй».

Дин Сюэжунь вернулся в школу сразу после укола — вечерняя самоподготовка еще даже не началась, так что уроки он не пропустил.

После вечерних занятий Дин Сюэжунь вышел за пределы школы, чтобы купить мазь в аптеке. Ожидая зеленый свет на светофоре, он увидел шикарный мотоцикл, припаркованный у соседнего жилого комплекса. Лоу Чэн одной рукой прижимал к боку шлем, лениво и расслабленно привалившись к сиденью и разговаривая по телефону. На нем были кожаные ботинки, отчего его и без того длинные ноги казались бесконечными. В ночной тишине резкость в его чертах смягчилась, в нем чувствовалась особая харизма на стыке юности и зрелости.

Вероятно, из-за того, что вечерние занятия только что закончились, ученики вываливали из школы толпа за толпой. Взгляд Дин Сюэжуна был лишь одним из множества взглядов, направленных на Лоу Чэна, — самым незаметным.

Тот ничего не заметил, продолжая болтать по телефону.

Лоу Чэн приходил на уроки почти каждый день, однако частенько посреди занятий просто испарялся. Да и на самих уроках он обычно лежал на парте — то ли играл в «три в ряд», то ли спал. Спал он тихо, одноклассникам не мешал.

Изредка он всё же садился ровно, что-то черкая ручкой в книге, или подпирал подбородок рукой, замирая или листая телефон.

У него было много друзей, которые на каждой перемене звали его: «Чэн-гэ, пойдём в мяч поиграем!»

Стоило начаться игре, как Лоу Чэн забивал на уроках, и его не видели полдня.

Более того, он никогда не оставался на вечернюю самоподготовку — исчезал ещё до четвертого урока во второй половине дня. Учителя почему-то никогда об этом не спрашивали.

В четверг, после зарядки между уроками, кто-то пожаловался учителю Доу, что место нового ученика мешает проходу к балконной двери.

Лао Доу, пока дети были на уроке, встал у задней двери и изучил вопрос.

Лоу Чэн спал, Дин Сюэжунь — то ли писал конспекты, то ли решал задачи, причем весьма сосредоточенно.

Вряд ли они будут мешать друг другу.

После первого урока во второй половине дня Лао Доу спустился с кафедры и сказал Дин Сюэжуню:

— Твое место слишком далеко сзади. Как у тебя со зрением?

— Всё хорошо, учитель Доу. У меня всего минус два, в очках проблем нет.

Лао Доу немного подумал и сказал:

— Переставь парту сюда.

Он указал на свободное место рядом с Лоу Чэном.

Дин Сюэжунь промолчал пару секунд, прежде чем кивнуть:

— Хорошо.

Лоу Чэн всё ещё спал. Дин Сюэжунь разбудил его, когда начал двигать парту.

Тот поднял заспанное лицо, на котором читалось раздражение от того, что его побеспокоили, и увидел, что Дин Сюэжунь обосновывается рядом с ним. Раны на лице Дин Сюэжуна поджили, и он выглядел куда нормальнее. Лоу Чэн на мгновение впал в ступор, прохрипев спросонья:

— Ты чего это сюда уселся?

— Классный руководитель пересадил. Сказал, я дверь загораживаю.

— Ну это же... — Лоу Чэн привык сидеть один, и соседство было ему в новинку.

Он подумал: «Наверное, Лао Доу считает Дин Сюэжуня таким же безнадежным, как я, и решил, что мы будем портить друг друга сообща».

Он немного потупил, почесал затылок и в итоге снова улегся спать.

Лоу Чэн был крупным парнем и занимал много места. Когда они сидели друг за другом, это не чувствовалось, но став соседями, Дин Сюэжунь ощутил разительный контраст со своими прежними соседями по парте.

Раньше он сидел с девочкой — крохотной и хрупкой, а Лоу Чэн был огромным... Ощущение было такое, будто они сидят слишком близко.

Настолько, что он чувствовал слабый запах пота Лоу Чэна и исходящий от него жар. Его юношеская энергия словно пылала.

Днем, когда Дин Сюэжунь вернулся в общежитие поспать, он увидел Лоу Чэна на баскетбольной площадке в компании парней. Хотя зрение у него было не очень хорошее, из окна балкона он ясно видел высокого юношу, который заметно выделялся среди остальных. Заходящее солнце золотило его фигуру — порывистую, стройную и полную жизни.

Дин Сюэжунь не смотрел баскетбол, его не интересовала NBA, которая так нравилась парням в школе, но в лучах заката он долго стоял на балконе, глядя на площадку.

В десять вечера, когда закончилась самоподготовка, Дин Сюэжунь вернулся в общежитие. Еще не открыв дверь, он увидел, что в комнате горит свет, и только тогда вспомнил одну деталь.

В их комнате, вообще-то, жил еще один человек. Просто по будням он не ночевал здесь, появляясь только по четвергам. По четвергам были проверки, и отсутствие сулило серьезные проблемы.

Дин Сюэжунь открыл дверь ключом, но никого не увидел. Только из ванной доносился шум льющейся воды.

Сосед мылся.

Обычно первым делом по возвращении Дин Сюэжунь шел умываться. Все уроки он успевал сделать на самоподготовке, поэтому после душа сразу ложился в кровать, немного слушал музыку и засыпал.

Он хотел было сразу пойти умыться, но, увидев на полу пару лимитированных кроссовок AJ, внезапно передумал.

Он уже видел эту обувь на ногах Лоу Чэна. Дин Сюэжунь не разбирался в кроссовках, но знал, что такие по карману далеко не каждому школьнику, так что с высокой долей вероятности они принадлежали Лоу Чэну.

Дин Сюэжунь не издал ни звука. Он бесшумно прошел к своему месту и сел. Его кровать и ванную разделяла лишь стена, а стул стоял совсем рядом с балконом и дверью в санузел.

Лоу Чэн действительно не услышал ни звука. Снаружи было слишком тихо, он не знал, что кто-то вернулся, и вышел, вытирая воду с тела полотенцем. Его шлепанцы издавали хлюпающие звуки: «шлёп-шлёп».

Дин Сюэжунь обернулся. У Лоу Чэна была великолепная фигура: широкие плечи, узкие бедра и шесть кубиков пресса. Дин Сюэжунь заметил на его теле небольшую татуировку, но лишь мельком — он тут же отвернулся и не успел разглядеть, что там изображено.

Только тогда Лоу Чэн увидел его и инстинктивно прикрылся:

— Твою мать!

— Сяо Дин! — Он был крайне удивлен, встретив здесь своего нового соседа. Смахнув капли воды с лица, он воскликнул: — Ты что, реально живешь в 506-й?!

Дин Сюэжунь не смотрел на него.

— Я тоже не знал, что мой сосед — ты.

Капли воды стекали с волос Лоу Чэна по лицу и капали с подбородка. Звук падающих на пол капель был совсем тихим.

Лоу Чэн быстро успокоился:

— Ну, раз это ты, я спокоен. Ты любишь чистоту. А у меня, знаешь ли, пунктик на этом.

Хотя они стали соседями по парте только сегодня, Лоу Чэн был крайне щепетилен в вопросах гигиены окружающих, особенно тех, кто находился в непосредственной близости.

С тем, кто не следит за собой, он бы не стал общаться близко.

Дин Сюэжунь сидел позади него, и его стол всегда был в идеальном порядке. Сам он тоже выглядел очень опрятно: обувь и шнурки всегда чистые, ногти аккуратно подстрижены.

Когда Лоу Чэн только вошел сегодня, он всё осмотрел: в комнате было чисто, даже застарелые пятна на стенах были отмыты. На столе нового соседа лежало несколько книг и лампа для учебы — вещей было мало, и лежали они почти пугающе аккуратно.

Постель заправлена идеально, никакого запаха пота — лишь едва уловимый, непонятный аромат.

Так что Лоу Чэн решил, что этот сосед определенно чистюля, просто не ожидал, что им окажется Дин Сюэжунь.

Поначалу Лоу Чэна отталкивало курение этого человека, но, не почувствовав от него никакого запаха, он перестал обращать на это внимание.

Он продолжал вытираться, даже не думая прикрываться. Своим телосложением он мог поспорить с баскетболистом: длинные конечности, крепкие мышцы. Кожа была сексуального смуглого оттенка, а капли воды на ней делали его похожим на готового к прыжку гепарда.

К заявлению Лоу Чэна о его «любви к чистоте» Дин Сюэжунь отнесся скептически — он прекрасно видел стопку носков на его столе.

Однако стоило ему краем глаза зацепить полуобнаженного соседа, как внутри возникло странное чувство. Честно говоря, в своем прежнем городке он никогда не встречал таких красивых парней: с четким разлетом бровей и выразительными глазами. Лоу Чэн буквально излучал тепло и обаяние. Когда он играл в баскетбол, столько девчонок болели за него и

визжали — это было просто безумие, как в кадрах из аниме.

На переменах первогодки специально прибегали на него посмотреть:

— А где сидит ваш Лоу Чэн?

— Тот самый? Спит... А когда он проснется?

— Проснулся, проснулся! Божечки, он такой красавчик... — Некоторые девчонки, глядя на него, открывали рот и застывали с остекленевшим взглядом. Перед красотой и мужчины, и женщины одинаково бессильны.

Его парта каждый день была забита любовными письмами, кто-то даже приносил ему завтраки. Дин Сюэжунь никогда не видел, чтобы за парнем бегало столько девчонок; обычно он видел обратное — как толпа парней шлет письма одной красавице.

Лоу Чэн вытерся, открыл шкаф и достал пижаму. Когда Дин Сюэжунь уже решил, что тот оделся, Лоу Чэн внезапно снова выругался:

— Черт!

— Кто это собрал мои выброшенные носки и выложил на стол?

Дин Сюэжунь обернулся и увидел, как сосед, зажав нос, с брезгливостью подбирает салфеткой те самые носки и выкидывает их в урну. При этом на Лоу Чэне была только пижамная рубашка, без штанов. Его длинные мускулистые ноги выглядели мощно.

Даже в нижнем белье он...

Дин Сюэжунь снова отвернулся. Он сам был мужчиной и в туалете видел всякое, но... Лоу Чэн обладал какой-то притягательностью.

Лоу Чэн, заметив его замешательство, вдруг что-то понял и громко расхохотался:

— Сяо Дин, ты чего? Чего глаза прячешь? Комплексуешь, что ли? Да не парься, у меня прозвище Чэн-гэ «Большой Дин», в школе, когда я в туалете, никто не решается занимать соседний писсуар.

Дин Сюэжунь не удостоил его ответом. Он встал, подошел к раковине на балконе и набрал тазик горячей воды, чтобы умыться.

Лоу Чэн был классическим, эталонным «натуралом». Натягивая пижамные штаны, он непринужденно поддразнил:

— Сяо Дин, признайся своему гэгэ, сколько у тебя сантиметров?

Дин Сюэжунь снял очки, выдавил на ладонь пенку для умывания и принялся усиленно тереть лицо, совершенно не обращая на него внимания.

Лоу Чэн, притворившись ничего не понимающим, спросил:

— Ты еще и пенкой пользуешься? Ну ты и модник. Она что, помогает отек снять?

Его болтовня так допекла Дин Сюэжуна, что тот не выдержал. Он зачерпнул горсть воды, смыл

мыло, чтобы открыть глаза, и сердито посмотрел на соседа:

— Хватит уже, Лоу Чэн.

У него была близорукость, и без очков Лоу Чэн перед ним расплывался. Но глаза у Дин Сюэжуна были большими, и сейчас в них вспыхнули живые искры.

Лоу Чэн посчитал и обнаружил, что у Дин Сюэжуна было то ли тройное веко, то ли что-то в этом роде — очень красивые и ясные глаза.

Пена еще не была смыта до конца с его лба, носа и подбородка. Отек на лице почти сошел, и уже можно было разглядеть его настоящие черты.

Лоу Чэн решил, что его подколка про пенку снова задела самолюбие соседа. Ему казалось, что у Дин Сюэжуна оно крайне обострено — так всегда бывает у двоечников... Но он не хотел его обижать, поэтому добавил:

— Я к тому, что ты с этой пенкой... такой лапочка.

Глаза Дин Сюэжуна округлились еще сильнее. Лоу Чэн не сдержал смешка и, прищурившись, ткнул пальцем в сторону его лица:

— Сяо Дин, ты лицо не домыл.

—

<http://bllate.org/book/17061/1588427>